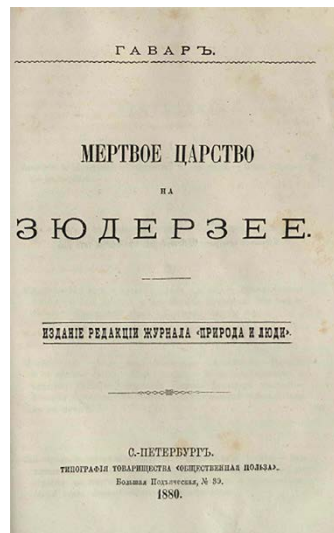

Гавар. Мертвое царство на Зюдерзее. Журнал "Природа и люди", 1880 № 9-12.

XV.

Сыны Гарлингена. — Менно Симонсъ и Меннониты. — Расколъ по случаю жениха и невѣсты. — Дѣти Иоанна Витте.

Въ Герлингенѣ родилось нѣсколько художниковъ, знаменитыхъ въ свое, время; но ихъ произведенія и слава не достигли до насъ. Изъ числа этихъ живописцевъ и граверовъ, только одинъ, Якобъ Бакеръ, цѣнится еще любителями; впрочемъ, дружба его съ Флинкомъ и пребываніе въ мастерской Рембранта много также способствовали тому, что имя его избѣгло забвенія ¹⁾. Въ Гарлингенѣ родились также многіе анабаптистскіе проповѣдники. Между этими послѣдними слѣдуетъ упомянуть о Геро Сибертсма и о Питерѣ Фонтейнѣ, которые были, въ концѣ семнадцатаго и въ началѣ восемнадцатаго столѣтій, пасторами въ Амстердамѣ и много способствовали распространенію меннонитскаго ученія. Впрочемъ, немудрено, что Фрисландія произвела столько проповѣдниковъ анабаптизма, такъ какъ въ этой провинціи родился и большею частію проповѣдывалъ Менно Симонсъ ²⁾. Воспоминаніе объ этомъ скромномъ реформаторѣ еще очень живо въ странѣ, а ученіе его если уже не приобрѣтаетъ новыхъ послѣдователей, то все-таки свято сохраняется въ семействахъ по преданію.

Неудивительно, что меннониты питаютъ такое трогательное благоговѣніе къ главѣ своей небольшой церкви. Менно - Симонсъ стоитъ въ первомъ ряду реформаторовъ того времени, главнымъ

¹⁾ Одно изъ главнѣйшихъ произведеній Вакера находится въ Амстердамѣ, въ сиротскомъ пріютѣ (Burger Veeshuis).

²⁾ Менно Симонсъ родился въ Витмарсумѣ, близъ Франскера, въ 1496, но не въ 1506 году, какъ говорятъ, по ошибкѣ, нѣкоторые авторы. Годъ его рожденія ясно видѣнъ изъ слѣдующей фразы, встрѣчающейся въ началѣ его исповѣди: «Въ 1524 году, на двадцать восьмомъ году отъ роду, я былъ посвященъ католическимъ священникомъ».

образомъ потому, что какъ жизнь его, такъ и сочиненія отличаются глубокою любовью къ людямъ. Онъ умѣлъ сохранить простоту и скромность въ своихъ рѣчахъ въ такую эпоху, когда были въ ходу тонкости діалектики и когда блестящія Фразы часто замѣняли суть ученія. Благодаря этой простотѣ и скромности, онъ успѣлъ трогать сердца и пріобрѣталъ послѣдователей, которые скорѣе готовы были претерпѣть самыя жестокия гоненія, даже смерть, чѣмъ отречься отъ его ученія.

Эти качества тѣмъ болѣе составляютъ заслугу Симонса, что въ ту эпоху риторическія состязанія, очень распространенныя во Фланд-ріяхъ, въ Голландіи и во всей Германіи, имѣли большое вліяніе на ходъ идей. Онъ пріучилъ умы къ тѣмъ безсодержательнымъ, безконечнымъ преніямъ,—главный предметъ которыхъ составляли ошибочныя истолкованія какихъ нибудь фразъ или словъ, — преніямъ, не имѣвшимъ никакого значенія и отличавшимся только смѣшными тонкостями. Эти ораторскія состязанія дали ложное направленіе многимъ умамъ и отвлекли вниманіе отъ соціального вопроса, который не замедлил-бы выступить на сцену, послѣ религіознаго.

За то доктрины Томаса Мюнцера и Кальсштадта застали общество въ-расплохъ. Вооружились съ обѣихъ сторонъ:—крестьяне, во имя милосерднаго и всеблагаго Бога, стали жечь замки, а дворянство— топило въ крови возмущеніе крестьянъ.

Эта-же гибельная привычка къ религіознымъ преніямъ и тонкостямъ свела съ ума Іоанна Бокельзи, который оставилъ свою гостиницу и отправился въ Мюнстеръ, гдѣ промѣнялъ свое скромное званіе на болѣе громкое пророка-короля. Эти-то пустыя пренія прекратили великое движеніе реформы и парализовали тотъ гигантскій шагъ, который должно было сдѣлать все человѣчество на пути прогресса. Менно Симонсъ съумѣлъ не поддаться этому разслабляющему вліянію, и это-то составляетъ одну изъ главныхъ его заслугъ. Онъ стремился только къ религіозной реформѣ, не прививая къ ней соціальной. Пренебрегая выгодами, которыя могъ-бы извлечь изъ симпатіи, привязанности и энтузіазма, возбуждаемыхъ имъ повсюду, онъ всегда жилъ въ бѣдности. Онъ обращался не къ уму, а къ сердцу людей, и искалъ прозелитовъ не въ богатыхъ, а въ низшихъ классахъ общества, такъ какъ здѣсь чаще встрѣчается

потребность въ утѣшеніи и помощи. Этимъ объясняется, отчего тогда какъ Лютеръ и Меланхтонъ, эти друзья принцевъ, вращались посреди великолѣпія и роскоши придворной жизни и пользовались покровительствомъ сильныхъ и защитою цѣлыхъ армій, — его, напротивъ, всегда ненавидѣли и преслѣдовали тѣ, кто видѣлъ въ немъ преемника подвига Томаса Мюнцера или Іоанна Лейденскаго.

Другая черта характера, которою онъ отличается отъ нѣмецкихъ реформатаровъ, состоитъ въ томъ, что онъ никогда не пытался вооружить руку мірянина для того, чтобы поразить своихъ религіозныхъ противниковъ. Никогда рвеніе не увлекало его до того, чтобы онъ указывалъ народу на тѣхъ, кто не раздѣлялъ его убѣжденій. На его совѣсти не лежало ни жалкихъ доносовъ, какъ на совѣсти Лютера, ни низкихъ подстрекательствъ, какъ на совѣсти Мел-ланхтона. Онъ никогда не написалъ-бы германскимъ принцамъ, восторжествовавшимъ надъ своими подданными и считавшимъ долгомъ совѣсти проливать кровь побѣжденныхъ, слѣдующихъ словъ: «Нѣмцы такой распущенный и кровожадный народъ, что заслуживаютъ еще гораздо болѣе строгихъ наказаній; Господь далъ земной власти названіе меча: пусть-же онъ дѣйствуетъ и рубить, такъ какъ онъ мечъ».

Душа его отражалась въ его словахъ; если онъ иногда выражался не довольно изящно, за то обладалъ тою теплотою убѣжденія, которая покоряетъ сердце на всю жизнь. Впрочемъ, лучшимъ убѣжденіемъ была его собственная жизнь, простая и добродѣтельная; она была во сто разъ краснорѣчивѣе самыхъ, блестящихъ рѣчей.

Слогъ его, скорѣе суровый, чѣмъ изящный, аргументы скорѣе убѣдительные, чѣмъ изысканные; иногда онъ увлекается полемикою, не отличающеюся даже самою простою

вѣжливостію. Но надо принять въ расчетъ эпоху, въ какую онъ жилъ. Преслѣдованія, которымъ подвергался онъ самъ, и жестокія гоненія на его учениковъ сильно раздражали его. Къ тому-же противники его своею запальчивостію сами вызывали его отвѣчать имъ въ томъ-же тонѣ.

Онъ не оставилъ большихъ сочиненій, но только нѣсколько трактатовъ, набросанныхъ наскоро, по требованію минуты. Слѣдовательно, нисколько не удивительно, что въ нихъ говорится по нѣскольку

-113-

разъ объ одномъ и томъ-же, и повторяются одни и тѣ же аргументы ¹⁾). Большею частію то были отвѣты его противникамъ, аргументамъ которыхъ онъ бывалъ принужденъ противупоставлять свои, несмотря на то, что они были уже высказаны прежде. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ изъ этихъ сочиненій онъ набрасываетъ принципы своего ученія и отвергаетъ педобаптизмъ, т. е. крещеніе дѣтей, основываясь на слѣдующемъ изреченіи Спасителя: «Идите, учите и крестите.» Главный пунктъ его доктрины состоитъ именно въ томъ, что слѣдуетъ крестить только сознательное существо, требующее крещенія, и что ученіе должно предшествовать этому таинству. Адепты его удержали почти только одинъ этотъ пунктъ. До послѣднихъ годовъ секта ихъ отличалась отъ реформатовъ только болѣе обширнымъ истолкованіемъ Евангелія, крещеніемъ взрослыхъ, отказомъ приносить клятвы и носить оружіе. Послѣдніе принципы изложены, впрочемъ, очень неопредѣленно, Менно оставилъ двадцать три трактата, которые были собраны его учениками; они составляютъ вмѣстѣ съ исповѣдью всѣ извѣстныя его сочиненія ²⁾).

Всѣ они на голландскомъ языкѣ, кромѣ трактата о крещеніи, исповѣди ³⁾ и опредѣленія воплощенія Иисуса Христа на латинскомъ языкѣ. Онъ писалъ по голландски не потому, чтобы плохо зналъ латинскій языкъ. Въ предисловіи онъ самъ объясняетъ при

¹⁾ Многія изъ его сочиненій имѣли цѣлю только оправдать его доктрину отъ всякаго соумышленія съ доктриною Мюнстерскихъ анабаптистовъ и доказать, что нѣтъ ничего общаго между его дѣятельностію и страшною дѣятель-его германскихъ единовѣрцевъ.

²⁾ Было много изданій сочиненій Менно Симонса. Первое напечатано въ 1600 году; оно очень неполно, равно какъ и то, которое напечатано въ 1676 году; единственное полное, напечатано въ 1681 году, in-folio, въ Амстердамѣ, подъ заглавіемъ: «Полное собраніе теологическихъ сочиненій Менно Симонса, изданныхъ, во славу Божію и для наученія ближняго, нѣкоторыми лицами, друзьями истины».

³⁾ Есть два текста Исповѣди Менно Симонса: одна на латинскомъ, другая на голландскомъ языкѣ. Нѣкоторые утверждаютъ, что латинскій текстъ изложенъ не самимъ Менно Симонсомъ, но однимъ изъ его учениковъ. Трудно рѣшить справедливъ-ли этотъ фактъ, но онъ не важенъ и не заслуживаетъ того, чтобы распространяться о немъ.

-114-

чины, заставившія его предпочесть голландскій языкъ; любопытно то, что онъ объясняетъ эти причины по-латыни. Главнѣйшая изъ нихъ и весьма вѣроятная состояла въ томъ, что онъ опасался, чтобы его сочиненія не остались въ рукахъ его собратьевъ и не пропали-бы, тогда какъ онъ писалъ для всѣхъ христіанъ.

По этимъ небольшимъ сочиненіямъ нельзя судить о томъ, какое впечатлѣніе производилъ Менно на окружающихъ его лицъ; они большею частію касаются вопросовъ относительно формы, и въ нихъ нѣтъ ничего увлекательнаго. Главнѣйшая сила его состояла въ изустномъ поученіи и въ примѣрахъ, которые онъ подавалъ своею жизнью.

Онъ часто повторялъ прекрасное изреченіе Карльсштадта: "Не надо слишкомъ много разсуждать о Евангеліи, но надо прежде всего пополнять то, чему оно учитъ».

Я сказалъ выше, что онъ жилъ въ бѣдности; онъ самъ сознается въ этомъ въ своей Исповѣди, когда, сравнивая свою жизнь съ жизнью прежнихъ своихъ собратьевъ, говоритъ:

«Для этой-то святой цѣли я принужденъ былъ странствовать восемнадцать лѣтъ съ больною

женою и съ малыми дѣтьми, терзаемый безпокойствомъ, скорбію, нищетою и безчисленными преслѣдованіями. Съ той поры я влачилъ вездѣ жалкое существованіе, опасаясь за мою жизнь и трепеща за мое семейство. Тогда какъ другіе священника спятъ на мягкихъ постеляхъ, подъ теплыми пуховиками,—я большею частію принужденъ искать убѣжища въ хлѣвахъ и спать на навозѣ. Они, по случаю свадебъ или крестинъ, веселятся на роскошныхъ пирахъ, при пріятныхъ звукахъ музыки, а мы принуждены бросать вокругъ насъ тревожные взгляды, опасаясь, чтобы насъ не открыли наши преслѣдователи».

Опасности, которымъ подвергался Менно и его адепты были далеко не воображаемыя. По обычаю того времени, Филиппъ II назначилъ цѣну за его голову. Два или три раза даже реформатора чуть было не схватили,—и одинъ разъ, при довольно оригинальныхъ обстоятельствахъ.

Менно ѣхалъ, вмѣстѣ со многими неизвѣстными ему лицами, въ общественной, закрытой повозкѣ, ходившей между Франкеромъ и Лееварденомъ. Неподалеку отъ этого послѣдняго города отрядъ ис-

-115-

панскихъ солдатъ остановилъ повозку. Начальникъ отряда подошелъ къ дверцѣ и, обратясь къ Менно, сидѣвшему ближе всѣхъ, спросилъ:

— Нѣтъ-ли между вами Менно Симонса? Менно обратился къ своимъ спутникамъ и повторилъ этотъ вопросъ; всѣ отвѣчали отрицательно.

— Они говорятъ, сказалъ онъ, обращаясь къ испанцамъ, что здѣсь нѣтъ Менно Симонса.

Обманутые этимъ уклончивымъ отвѣтомъ, солдаты не задержали повозки; съ тѣхъ поръ подобные отвѣты называются въ Голландіи ложью меннонитовъ.

Въ послѣднее время, впрочемъ, Менно велъ не такую тревожную жизнь. Владѣтель Фризенбурга взялъ его подъ свое личное покровительство и предложилъ ему и ученикамъ его пріютъ въ городкѣ Ольдесталѣ, который подлежалъ его юрисдикціи и находился между Любекомъ и Гамбургомъ.

Этотъ владѣтель Фризенбурга былъ однако вовсе не набожный человѣкъ. Въ молодости онъ даже велъ довольно разгульную жизнь. Но разъ какъ, то, во время своего путешествія въ Голландію, онъ видѣлъ, какъ умертвили многихъ человѣкъ рѣдкой, испытанной честности за то, что они были послѣдователи анабаптистскаго ученія. Ихъ терпѣніе, кротость и мужество, съ какимъ они переносили самыя жестокия истязанія, поразили его. Онъ заключилъ изъ этого, что ученіе, которое способно до такой степени возвысить душу, не можетъ быть предосудительнымъ; самъ онъ не принялъ новой вѣры, но дозволилъ исповѣдывать ее и разрѣшилъ Менно Симонсу жить въ Ольдесталѣ.

Реформаторъ умеръ въ этомъ городкѣ 13 января 1561 года, шестидесяти шести лѣтъ отъ роду. Въ теченіи тридцати лѣтъ, какъ онъ отрекся отъ католической религіи, чтобы основать новую секту, онъ ни разу не измѣнилъ своимъ убѣжденіямъ. На смертномъ одрѣ онъ повторилъ свою исповѣдь, просилъ своихъ друзей распространять его ученіе и, обнявъ своихъ дѣтей, испустилъ послѣдній вздохъ. По тогдашнему обычаю, его похоронили въ саду его.

Вѣрные его совѣтамъ, ученики его и друзья продолжали идти новымъ путемъ, который онъ открылъ имъ. Они пріобрѣли нѣсколько

-116-

прозелитовъ, но преслѣдованія возобновились; только въ 1588 году, когда испанцевъ окончательно изгнали изъ Фрисландіи, это небольшая церковь утвердилась на прочныхъ основаніяхъ. Впрочемъ доктрина меннонитовъ распространялась не быстро и не имѣла многихъ послѣдователей. Немногочисленная секта составляла одну большую семью, члены которой, соединенные узами братской любви, поддерживали другъ друга и побуждали такимъ образомъ препятствія, встрѣчавшіяся имъ въ жизни.

Это не значить впрочемъ, чтобы никогда никакое облако не омрачало ихъ совершеннаго согласія. Еще въ нынѣшнемъ столѣтіи небольшая община чуть-было не раздѣлилась на двѣ отрасли по довольно пустому поводу Вотъ какъ было дѣло:

Однажды въ Гарлемѣ застали жениха и невѣсту, которые принадлежали къ меннонитской сектѣ и были помолвлены уже два года, — что за нѣсколько дней до свадьбы они обнимали другъ друга нѣжнѣе, чѣмъ позволяло приличіе. Строгий пасторъ узналъ объ этомъ событіи, и въ слѣдующее воскресенье не побоялся сказать на каѳедрѣ рѣчь противъ тѣхъ безнравственныхъ существъ, которыя не умѣютъ обуздывать своихъ плотскихъ инстинктовъ и которыя не имѣютъ никакихъ правилъ. Не довольствуясь общими мѣстами, язвительный пасторъ назвалъ дѣйствующихъ лицъ по имени и вза-ключеніе разсказалъ все происшествіе.

Это произвело страшный скандалъ. Непорочные негодовали на молодыхъ людей, либералы—на пастора. Женихъ и невѣста принадлежали къ богатымъ и почтеннымъ семействамъ; вокругъ нихъ живо образовалась партія, и, въ слѣдующее воскресенье, на каѳедрѣ появился другой пасторъ и сказалъ рѣчь въ защиту влюбленныхъ. Это произвело новый скандалъ и расколъ между меннонитами. Но такъ какъ публика не должна знать тайнъ, происходящихъ во храмѣ, то порѣшили, что партіи будутъ раздѣлены въ церкви стѣною, подобно тому, какъ—въ моральномъ смыслѣ—ихъ раздѣляла бы пропасть.

И дѣйствительно посреди церкви поставили стѣну. По одну сторону этой стѣны извиняли, по другую же—энергично возставали противъ такого грѣха. Это продолжалось нѣсколько лѣтъ. Наконецъ, въ одинъ прекрасный день, здравый смыслъ восторжествовалъ надъ распреею. Меннониты помирились и стѣну уничтожили.

-117-

Въ наше время, богослуженіе меннонитовъ немногимъ отличается отъ богослуженія кальвинистовъ. Ученіе обоихъ почти одно и то же, кромѣ удавнѣхъ пунктовъ, о которыхъ я уже упомянулъ, какъ-то: крещеніе взрослыхъ, отказъ приносить клятву и носить оружіе и болѣе произвольное истолкованіе Евангелія. Этотъ послѣдній пунктъ въ недавнія времена дошелъ даже до такой степени эластичности, что многихъ меннонитовъ можно назвать свободными мыслителями. Но двери церкви не заперты для нихъ. Никогда не существовало болѣе снисходительной секты, скажу въ похвалу ихъ, писалъ Париваль, въ 1678 году, что они объясняютъ Евангеліе и вообще Священное писаніе безъ возгласовъ и безъ ожесточенія, носъ кротостью для назиданія ближняго».

Не слѣдуетъ также думать, что они отказываются носить оружіе изъ трусости; они вовсе не трусы, но поступаютъ такъ единственно по убѣжденію. При Гаарлемской и Лейденской осадахъ они не имѣли при себѣ оружія, но носили къ укрѣпленіямъ кипящее маслѣ и матерьялы для починки брешей. Даже бросали въ осаждающихъ горячіе факелы и ходили въ самый пылъ сраженія отыскивать раненыхъ, которыхъ приносили въ городъ.

Въ 1650 году, когда графъ Нассаускій пытался взять Амстердамъ,— меннониты не колеблясь нарушили обѣтъ, взявъ оружіе и происое-динясь къ гражданамъ. Въ 1672 году, когда оба брата Витта были умерщвлены и чернь, волоча по улицамъ тѣла ихъ, вздернула затѣмъ на висѣлицу, несчастныя дѣти этихъ жертвъ остались временно безъ пристанища. Никто не смѣлъ пріютить ихъ, опасаясь мести толпы. Наконецъ одна торговка полотномъ, меннонитка, взяла ихъ къ себѣ въ домъ и помѣстила въ своей собственной комнатѣ.

Изъ этихъ примѣровъ видно, что меннониты не изъ малодушія отказывались прежде служить отечеству. Нынѣ этотъ обѣтъ не соблюдается. Жребій уравниль въ этомъ отношеніи всѣ вѣроисповѣданія, и въ голландской арміи есть много заслуженныхъ офицеровъ изъ меннонитовъ.

Впрочемъ, не такъ еще давно дѣлали исключеніе въ пользу послѣдователей Менно. Когда Голландіею владѣли французы, меннониты были два раза избавлены отъ военной службы. Въ первый разъ

-118-

ихъ освободилъ комитетъ общественной безопасности, во второй разъ — императоръ Наполеонъ.

Доктрина Менно-Симонса не распространилась повсюду, какъ надѣялся Менно, но и не

ограничилась одною Голландією. Есть меннониты во Фландріи, въ Эльзасѣ и въ Англии, откуда ученіе это перешло въ Соединенные Штаты. Нынѣ прозелитизмъ кончился, а эта немногочисленная община, вѣроятно, не увеличится болѣе. Но меннониты, по-прежнему, составляютъ одну большую семью, члены которой питаютъ другъ къ другу уваженіе и привязанность, можетъ быть нѣсколько исключительныя; они взаимно помогаютъ другъ другу идти по стези добродѣтели.

Я счелъ долгомъ высказать все это здѣсь потому, что, на сколько мнѣ извѣстно, французы никогда не писали объ этомъ. Я старался на сколько возможно быть краткимъ, и прошу у читателей извиненія за это длинное отступленіе.